

Асташов Александр Борисович

**Фронтная повседневность российских солдат,
Август 1914 – февраль 1917 г.**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук по специальности
07.00.02 – Отечественная история

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре истории России средневековья и нового времени Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет»

Официальные оппоненты:

Колоницкий Борис Иванович – доктор исторических наук, автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге», факультет истории, профессор

Шацлло Вячеслав Корнельевич – доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт всеобщей истории РАН, Центр «XX век: социально-политические и экономические проблемы», ведущий научный сотрудник

Исхаков Салават Мидхатович, доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт российской истории РАН, ведущий научный сотрудник, заместитель председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций

Ведущая организация федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тверской государственный университет»

Защита состоится 22 марта 2019 г. в 14 часов на заседании совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д. 212.198.03, созданного на базе Российского государственного гуманитарного университета по адресу: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского государственного гуманитарного университета по адресу 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., д. 6, а также на сайте РГГУ по адресу: http://www2.rsuh.ru/binary/object_1.1538995274.60896.pdf

Автореферат разослан «__» _____ 2018 г.

Ученый секретарь канд. ист. наук, доцент

Е.В. Барышева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Первая мировая война являлась первой современной (индустриальной, тотальной) войной XX в. Война велась с широким и длительным применением постоянно совершенствовавшихся технических средств поражения и в силу этого требовала специфической организации ведения военных действий¹. В России военное напряжение породило масштабную социальную революцию. Воздействие Первой мировой войны на историю оказалось глубоким и сложным именно благодаря эмоциональному и моральному потрясению перенесенному ее многочисленными участниками. В качестве представителя гражданского населения, основного контингента мировой войны, фронтовик в современной, технической войне нес на себе груз прошлого социального опыта, ментальности, производной от социально-политических факторов. Индустриализация же военных действий требовала от фронтовика высокой степени дисциплинированности, соответствовавшей характеру военного производства. Ратный труд в такой войне приобретал рутинный характер технологии производства в новой среде и в новом коллективе. Следствиями такого способа ведения военных действий являлись господствовавшая рациональность, отчуждение, «оповседневнивание» даже чрезвычайных событий – страданий, встречи со смертью и т.п. В ходе войны обнаруживалось глубокое противоречие между человеком, с его обычными представлениями, и требованиями войны, воспринимаемыми как бесчеловечные и нерациональные. Такая практика фронтовой повседневности характерна для любого общества в состоянии войны, даже достигшего высокой степени индустриализации. Тем большим был эффект фронтовой повседневности на солдатские массы, имевшие опыт труда в основном в рамках традиционных отношений.

---

¹ Д. Байрау. Понятие и опыт тотальной войны (на примере Советского Союза) // Опыт мировых войн в истории России: сб.ст./ Редкол: И.В Нарский и др. Челябинск: Каменный пояс, 2007. С. 28–48; Магадеев И.Э. Первая мировая как тотальная война // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 3–16.

В отличие от западной историографии, военный опыт 1914–1917 гг. осваивался советскими и российскими историками весьма односторонне. На протяжении многих десятилетий советские авторы, следуя идеологическим представлениям, при анализе революции в России избегали показа человеческой реакции на бесчеловечную войну. И до сих пор российские исследователи предпочитают оценивать эту войну преимущественно по геополитическим, политическим, экономическим и прочим «макро» показателям. Оставляя в стороне «человеческую», личностно-психологическую составляющую военных действий, история войны и последовавших в ходе нее и за ней социально-политических потрясений остается представленной крайне бедно. Не удивительно, что на этом фоне возникают не только деформированные представления о ходе войны, но и всевозможные домыслы и фантазии относительно предреволюционного состояния российского общества.

Во время войны люди, представители самых различных социальных слоев не просто получали новый военный опыт – менялось все их мировоззрение, образ мысли и действий. Война в случае России не только подготовила распадение старых государственных структур, но и активизировала поведение «среднего» – в прошлом косного и инертного – человека традиционного общества. Истоки этого процесса – во фронтовой, в том числе «окопной» жизни простых людей, оторванных от привычных занятий мирного времени. Какое воздействие оказала война на трансформацию сознания основной части солдатских масс, формирование новых настроений и новых устремлений является главной проблемой исследования.

Изучение фронтовой повседневности человека на войне позволяет понять масштаб и значение ломки и трансформации сознания и психики доминирующей части русской армии – солдат-крестьян, ставших в своей массе активными участниками деструктивных процессов в армии и обществе во время самой войны. Решение указанной проблемы актуально для выявления эффективности сопротивления военного командования деструктивным процессам в армии, анализа моделей действий власти по преодолению негативных процессов в ходе мобилизации общества в последующих военных конфликтах, вообще в ходе кризисных состояний общества. Чрезвычайно актуальным является анализ

выстраивания уже в ходе войны, вследствие получения военного опыта, стартовых условий для действий широких солдатских масс по реализации и направленности будущих социально-политических проектов. Проблема фронтовой повседневности солдатских масс актуальна для изучения характера мировой войны на ее разных театрах военных действий и полученного в ходе нее военного опыта для формирования гражданских позиций комбатантов различных стран. Такое сравнение военного опыта еще более актуализирует проблему использования общих подходов и методов, наработанных современной историографией в отношении армий всех участников Великой войны.

Объектом исследования явились солдатские массы русской армии в годы Первой мировой войны. В общей сложности на войну было призвано свыше 15 млн. человек, все они так или иначе вынуждены были приспособляться к условиям существования в ходе фронтовой, включая окопную, повседневности.

Предметом исследования явилось воздействие на доминирующую армейскую массу солдат-крестьян военного опыта, полученного в рамках фронтовой повседневности в современной технической войне.

В диссертации использованы новые группы источников, проведен анализ исторической литературы по поставленной проблеме, использованы свежие методологические подходы. В качестве основных источников были проанализированы солдатские письма и делопроизводственная переписка штабов русской армии различного уровня. Это позволило ввести значительный объем новой информации, как о внутренней, так и о внешней стороне фронтовой повседневности армейских масс. В работе выявлены и проанализированы историографические подходы по освещению социально-политической и особенно социально-психологической истории русской армии в ходе войны. Это позволило наметить новые методологические установки для решения поставленной проблематики, уточнить наработки прошлых исследований по истории армии и воюющего человека.

Хронологические рамки исследования охватили события на Русском фронте с начала Первой мировой войны до Февральской революции 1917 г.

Географический ареал Русского фронта охватил полосу противостояния передовых линий и ближайшего тыла русской армии и армий Австро-Венгрии и

Германии, где в наибольшей степени сказались особенности индустриальной войны.

Цель исследования состояла в выявлении характерных черт и результатов воздействия технической войны на ее участников, преимущественно выходцев из традиционных (крестьянских) слоев российского общества. Основное внимание уделялось анализу деформации прежнего социального (мирного) опыта в экстремальных условиях тотальной войны, трансформации ментальности солдатских масс под влиянием фронтовой повседневности и выработке новых настроений, нацеленных на решение широкого круга социально-бытовых и социально-политических проблем.

Задачи исследования.

Для достижения поставленной цели были решены следующие исследовательские задачи:

- проанализированы основные направления и состояние научной разработанности проблемы, выявлен круг источников, позволяющих решить поставленные в исследовании задачи;

- охарактеризовано положение Русского фронта с точки зрения его географически-климатической специфики, особенностей инженерного строительства, боевого и материально-технического снабжения, организации солдатского быта;

- проанализированы характерные черты социального и морально-психологического состояния русской армии, меняющегося в ходе эскалации военных действий;

- выявлено влияние фронтовой повседневности на психологическую адаптацию и дезадаптацию к военным действиям, включая ее психопатологические проявления, солдат к современной технической войне как части военного опыта;

- выявлена мотивация и специфика деструктивных процессов в виде нарушений воинской дисциплины и проанализирована эффективность противодействия этим процессам со стороны военного командования;

- проанализирован характер связей воющего человека, главным образом солдат-крестьян, с тылом: «малой родиной», крестьянским обществом, членами

крестьянского хозяйства, большой и малой семьей; исследованы гендерные аспекты жизнедеятельности солдатских масс в условиях отрыва от семьи;

– проанализировано изменение настроений и формирование новых жизненных установок солдат-фронтовиков под влиянием практик выживания в экстремальных обстоятельствах, истоки и направленность бунтарских и антивоенных настроений солдатских масс накануне Февральской революции.

Методология исследования

Для решения поставленных задач автор использовал, прежде всего, классические приемы исследования структур армейского организма методами военной социологии и психологии, представленными в работах Н.Н. Головина, В.И. Серебрянникова, И.А. Строкова. При анализе деятельности армейских структур и поведения солдатских масс использовались общенаучные методы исследования: эмпирический, историко-генетический, сравнительный. При анализе массива писем и военно-цензурных отчетов (составивших основу источниковой базы исследования) применялся контент-анализ: подсчет упоминаний тех или иных «настроений», отношение к различным явлениям фронтовой жизни на протяжении войны с учетом особенностей положения тех или иных фронтов и армий. Использовался также метод герменевтики: «вживание в текст» людей минувшей культуры, оказавшихся в «пограничной» (между жизнью и смертью) ситуации.

В работе используются также теории аномии общества (Э. Дюркгейм, Р.К. Мертон). При анализе психопатологического состояния комбатантов применяются концепции стресса и дистресса, адаптации и дезадаптации, а также понятие культурного шока. В работе учитываются идеи социологов, посвященных «столкновению культур» и процессам аккультурации в ситуациях культурного шока. В работе используются также методологические принципы «новой локальной истории»: в пространстве войны на Восточном (Русском) фронте выделяются особые локусы, отмеченные специфическими особенностями ратного труда. При этом, как показывает опыт, необходим учет не только массовой психологии, но и их особой «психопатологии» военного времени. Учитывается при этом, что поведение человека на войне определяется также информацией, получаемой из прежней мирной жизни, бывшего социального окружения, прежде всего, из привычного семейного круга. В сочетании с непосредственным военным

опытом получаемая «из дома» информация закладывает новые представления о гендерной иерархии в обществе.

При описании социокультурных параметров «рабочего войны», его места в «социальной географии», в «огненном ландшафте», использованы идеи Э. Юнгера. Построения последнего помогают осмыслить тот психосоциальный разрыв с требованиями современной, технической войны, который возник у российского представителя традиционного общества. При рассмотрении фронтовой повседневности учитываются теоретические наработки А. Людтке, особенно роли «практики» в формировании способов восприятия и активности, при характеристике ратного труда, его пространства, параллелей между войной и «сталеплавильным заводом», зависимости боевого духа от рабочей морали и т.д.

Таким образом, в основе методологии данной работы лежит историко-антропологический подход, отдающий приоритет изучению истории «снизу». Он дополняется опытом изучения истории «сверху»². В целом из этого синтеза складывается, как представляется, «история изнутри». Именно такой угол зрения способен обеспечить целостное понимание истории солдатских масс в Великой войне, их роль в истории развития России в переломный для страны момент.

Научная новизна исследования.

- в работе впервые рассмотрена проблематика обретения военного опыта на всем пространстве Русского фронта за весь период ведения боевых действий (до Февральской революции);
- проанализирован социальный состав Русской армии по максимальному спектру характеристик (состав, возраст, образование, социальное происхождение и прошлый опыт и т.п.) с точки зрения его соответствия характеру тотальной войны;
- раскрыт пространственно-хозяйственный аспект военных действий в рамках боевой позиции, представлявшей урбанистическую среду временного характера;
- на основе анализа впервые вводимых в исследовательский оборот источников оценена эффективность влияния на солдатские массы пропагандистского и морально-религиозного обеспечения войны;

² Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. Пер. с англ. и нем. К. А. Левинсона. М., 2010; История повседневности. СПб., 2003; *Его же*. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999; Гуревич А.Я. Двойная ответственность историка // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 76.

- осуществлено антропологическое измерение «человека на войне» на Русском фронте, включая анализ тягот боевой жизни и солдатской повседневности;
- впервые применена методика анализа массовых источников личного происхождения (писем солдат) для характеристики динамики настроений солдатских масс, мотивации их как участия в войне, так и солдатских волнений;
- на основе большого массива документов впервые предложен углубленный анализ причин деструкции армейского организма и попыток борьбы с ней дисциплинарными методами;
- впервые изучен гендерный аспект морального кризиса русской армии с учетом связей солдат с тылом, семьей;
- по-новому рассмотрены психопатологические изменения в поведении комбатантов в тотальной войне;
- впервые причины и масштабы солдатского бунтарства изучены с точки зрения особенностей ратного труда, окопной повседневности в ситуации острого социально-политического кризиса накануне Февральской революции.

Теоретическое и научно-практическое значение диссертации заключается в возможности использования ее выводов при изучении социальной истории и военно-исторических антропологических исследованиях истории России начала XX в. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке учебных пособий и учебных курсов по истории России XX столетия, политической России в кризисные моменты общества с участием солдатских масс, проблематики поддержания общественной безопасности.

Апробация исследования. Основные положения диссертации отражены в монографии, статьях, документальных публикациях (общим объемом свыше 120 п. л.). Результаты исследования были изложены в докладах на международных конференциях и «круглых столах» (Москва, 2002, 2004, 2008, 2011, 2014–2017; Санкт-Петербург, 2011, 2013, 2015), всероссийских (Москва, 1998, 2008, 2013, 2014) научных и научно-практических конференциях. Многие положения диссертации используются в курсах по истории России.

По теме диссертации опубликованы 3 монографии, включающих собрание материалов и документов, 60 статей, включая 15 статей в рецензируемых

журналах, рекомендуемых ВАК, в которых нашли отражение теоретические принципы и результаты работы.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав основной части, заключения и списка использованных источников и литературы. Во введении обосновывается актуальность, научная новизна работы, определяются предмет, объект, хронологические рамки, цели и задачи, методологические подходы исследования. Первая глава диссертация посвящена историографическим и источниковедческим проблемам. В ней рассмотрена степень изученности исследуемых вопросов, а также охарактеризована источниковая база работы.

Диссертация посвящена трансформации ментальных представлений солдатских масс русской армии через военный опыт и практику окопной повседневности в годы Первой мировой войны. Исходная позиция такой практики – социальный состав, прошлый социальный опыт различных контингентов русской армии, условия существования на Русском фронте в виде особенностей истории и конструкции оборонительной позиции, ее технического обеспечения, идейно-нравственные ресурсы противостояния в индустриальной войне.

Непосредственный военный опыт солдатской массы раскрывается через историко-антропологический анализ окопной повседневности. В посвященной этим аспектам пребывания в современной войне третьей главе рассматриваются восприятие и влияние боевой жизни, многочисленные аспекты нахождения воюющего человека в полосе военных действий и тыловой службы, в ландшафте и территории Русского фронта, психология и психопатология индустриальной войны. В условиях столкновения традиционалистски настроенных солдатских масс с реалиями технической, тотальной войны ставится вопрос о влиянии дисциплинарных практик и морально-политических инструментов на поддержание боевого духа, что является темой четвертой главы. В завершающей главе исследования прослеживается социально-политические, экономические, гендерные основания трансформации ментальности солдатских масс, получивших военный опыт и искавших его применения в гражданской жизни после окончания войны. Исследуются истоки и формы морального кризиса армии, приведшего к серии солдатских бунтов накануне Февральской революции.

В заключении сформулированы выводы по ключевым проблемам диссертации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность диссертации, научная новизна работы, определены предмет, объект, хронологические рамки, цели и задачи, методологические подходы исследования.

В первой главе «Историографические и источниковедческие проблемы исследования» охарактеризована степень изученности рассматриваемых вопросов, а также источниковая база работы.

Изучение проблемы фронтовой повседневности, военного опыта солдат на Русском фронте в годы Первой мировой войны в большой степени зависело от пропагандистских (в российской печати), политических (западной печати), идеологических (в советской историографии) задач. Большое влияние в историографии имело привлечение источников, той или иной научной методологии, а также зависимость описываемых эпизодов от главного события России этого периода – революции 1917 г., где история армии и роль солдатских масс была чрезвычайно важной.

Первым опытом анализа фронтовой повседневности солдатских масс русской армии являлись статьи в русской и зарубежной печати (иностранцев корреспондентов на Русском фронте). При этом авторы старались часто рассмотреть «человека» в солдате но, как правило, в его «бодром» состоянии, что соответствовало показу в общественном мнении союзников высокого морального состояния русской армии как «парового катка». Другая группа современников, в основном из среды общественников-оппозиционеров, чаще подчеркивали «угнетенное» настроение, недовольство войной, или непонимание вплоть до неприятия ее солдатами. Гуманистический акцент здесь усиливается; за личностью солдата свидетели-общественники пытались рассмотреть не только «нравственное богатство» солдата-окопника, но и социальные чаяния, меняющиеся установки фронтовиков, влекущие его с войны домой.

После революции в отечественной историографии надолго, вплоть до 50-х гг. XX в. возобладали специфические взгляды на историю русской армии в период Первой мировой войны как войны «империалистической», навязанной населению

царским режимом и странами Антанты. Эти взгляды определялись общей установкой того времени на мировую революцию, которой якобы и должна была закончиться такая война. Советские авторы этого периода много места уделяли реакции солдатской массы на условия ведения войны, подчеркивая «сознательный», «революционный» характер их антивоенных выступлений. В ранней советской историографии Первой мировой войны рассматривались и вопросы «ухода от войны», в частности – проблема сдачи солдат в плен, дезертирства, братаний и т.п. Авторы указанного периода историографии не склонны были анализировать каждое из явлений деструкции в армии, не выясняли их мотивацию, обстоятельства, динамику и т.п. В историографии социальной истории русской армии указанного периода «человек» начал исчезать, а на первое место выходили общеполитические настроения и установки «солдат», «солдатской массы», исходя из социологических схем.

В 60-80-х гг. в отечественной историографии истории русской армии периода Первой мировой войны стали преобладать научные, как они представлены в советском, марксистско-ленинском историческом знании, подходы. Ряд работ был посвящен истории армии как армейского организма с определенными социально-экономическими характеристиками. Здесь следует отметить работы Л.Г. Бескровного о военно-экономическом потенциале России в начале XX в., А.А. Строкова, Г.И. Шигалина. В них дается развернутая концепция Первой мировой войны как войны нового типа, которая предъявила ряд требований, которым царская армия не достаточно соответствовала.

Ряд работ поздней советской историографии был посвящен социальному составу русской армии. При этом проблемы традиционализма и современности растворялись в «классовом подходе» при анализе социальной истории армии. И все же в некоторых работах удалось преодолеть однозначность в характеристике социального состава армии, был сделан вывод об усилении крестьянского состава армии, союз которой с рабочими и обеспечил победу в Февральской революции. В целом в рамках советской историографии позднего периода был сделан большой шаг вперед: расширена источниковая база, подверглись анализу различные стороны солдатского движения. Однако, оставаясь в рамках марксистско-ленинских схем, советские историки суживали поле исследования, а собственно

утверждаемые тезисы – о сознательности солдатского революционного движения, его руководстве большевиками – остались уязвимыми для научной критики. Проблему влияния собственно мировой войны на развитие социальной жизни армии, последовавшие революционные события советские авторы в полной мере не ставили.

Постсоветская историография частично испытала влияние западной историографии Первой мировой войны, где широко изучается социальная история, антропология, «история повседневности» и т.п. «гуманитарные» аспекты войны. Заметным шагом постсоветской историографии являются исследования темы «человека на войне», которые проводятся с точки зрения психологии комбатанта российской армии, или в рамках «военно-исторической антропологии», широко представленной в работах Е.С. Сенявской. Автор пытается решить проблему в рамках междисциплинарного подхода и соответственно – методов привлекаемых дисциплин – истории, психологии, социологии. В работах Е.С. Сенявской ставится также проблема фронтового поколения, его формирования и послевоенной судьбы. Но здесь существует еще ряд нерешенных задач для решения этой важной проблемы: выявление социального происхождения различных слоев комбатантов, их прошлого, довоенного социального опыта, их групповой ментальности, мотивации «героического» поведения и т.п. Среди работ, анализирующих проблему человека на войне с антропологических позиций, выделяются труды О.В. Поршневой. Автор поставила вопрос о социокультурных характеристиках солдатской массы, выводя ее ментальность из крестьянского самосознания, сходного, по ее мнению, и для крестьян-солдат, и для крестьян, оставшихся вне армии. В целом автор вполне обоснованно отмечает такие нарастающие процессы в русской армии, как утрата веры в армейскую иерархию, ослабление ненависти к врагу, развитие «синдрома недоверия солдат к власти», что было обусловлено затягиванием войны, обострением экономических трудностей и т.п. Автор подчеркивает перенос комплекса отрицательных эмоций ненависти с внешнего на внутреннего врага – «внутреннего немца». Психологические переживания на войне определили склонность к крайним силовым действиям, девальвации ценности человеческой жизни, что и обусловило дальнейшие действия солдат в ходе революции 1917 г. Несмотря на новизну поднятой автором проблематики окопной

повседневности и методологии исследования, следует отметить ряд пробелов, снижающих эффективность предпринятого анализа. Это касается как нехватки существенных сюжетов (анализ социального состава, прошлого социального опыта различных категорий солдат, дисциплины, связей с домом и т.п.) в исследовании, так и недостаточно репрезентативной источниковой базы.

Большинство представителей постсоветской историографии широко применяют новые подходы. Так в книге В.В. Серебрянникова автор прослеживает влияние войны на общество, ограничиваясь, однако, общетеоретическими положениями, избегая конкретно-исторического исследования, тем более по теме Первой мировой войны. В диссертации А.М. Маркевича, посвященной солдатским письмам в центральные Советы в 1917 г., делается попытка изучить «взгляды и настроения широких солдатских масс». На деле указанные письма представляют настроения всего лишь наиболее активной части армии, как и до революции составляющей 2–5% ее состава. Некоторое расширение поля исследования (проблемы с обеспечением солдат продовольствием и обмундированием, виды нарушения дисциплины) на узком источниковом материале (воспоминания и литература), предпринятые в работах П.Г. Култышева, А.В. Арановича, М.В. Оськина, не позволяет с достаточной полнотой исследовать столь серьезную проблему как фронтовая повседневность солдатских масс. Не забыта и тема героизма воинов русской армии, проявления ее традиционных качеств (стойкость, выдержка и т.п.), особенно в начальный период войны (в работах С.Г. Нелиповича, Н.Д. Постникова и др.).

Важная гуманитарная составляющая поведения человека на войне в последнее время разрабатывается с точки зрения психопатологических последствий для человека, прошедших войну. Так в своих работах В.П. Булдаков проявления социальной психопатологии солдат выводит из их военного опыта, что выразилось в виде «красной смуты», т.е. революции 1917 г. Автор пытается в войне обнаружить инструменты революционного действия в виде особенного психологического поведения, разнузданного насилия и т.п. Это насилие, по мнению автора, являлось не только разрушительным, но и созидающим началом для крушения старого и рождения нового общества. Особое внимание автор уделяет не структурам, а человеку, на себе вынесшему глобальный катаклизм. В

этой связи логичным представляется метод анализа автора не того, что «хотели сказать, и не о чем они проговорились, а о чем они чувствовали и как думали». Влияние военного опыта как привычки к насилию, определявшемуся «маневренным» по сравнению с Западом характером военных действий на Русском фронте, отмечает и В.И. Нарский, ссылаясь при этом на Д. Байрау.

Частью проблематики истории человека на войне является проблема взаимоотношений между офицерством и солдатами, вообще иерархии на современной войне. Однако обычно дело здесь сводится к социальному составу и облику офицерского корпуса, его отдельных групп, без влияния этого фактора на солдат (в работах С.В. Волкова, А.В. Ганина и др.). Поднимается в отечественной историографии и вопрос о военно-религиозном обеспечении войны, где содержательностью и объективностью выделяются работы А.А. Кострюкова. Автор подчеркивает сложное положение, в котором оказались церковные пропагандисты на фронте: между все усиливающимся недоверием со стороны офицерства, особенно рядового, и ростом отторжения от него солдатской массы. Согласно О.С. Поршневой, война принесла негативный опыт в религиозность человека, что привело к «зверствам», эгоизму и т.п. В целом проблематика религиозности на войне требует дальнейшего и углубленного изучения на репрезентативной источниковой базе.

На периферии исследований о Первой мировой войне находятся темы о гендерных проблемах. Авторы ограничиваются прославлением подвига женщин. Значительная часть из этих работ носит описательный и, в сущности, публицистический характер. Для этих работ характерно доверительное отношение к официальным источникам военного времени. Оригинальным подходом к гендерной проблеме отличается работа Б.И. Колоницкого, где автор подчеркивает негативное в целом отношение солдат к благотворительной деятельности представительниц романовской династии. Однако вопрос об отношении солдат к участию женщин на Первой мировой войне в целом разработан недостаточно.

В массиве исследований по социальной истории русской армии периода Первой мировой войны значительных успехов добились зарубежные коллеги, прежде всего представители стран участниц Великой войны. И во время самой войны аналитики действий русской армии, чаще всего журналисты крупных газет и

журналов, делали различные выводы о боеспособности русской армии, ее боевом духе. В работах западных журналистов большое место уделялось характеру русской армии в социальном отношении, ее настроению и духу. В этих работах подчеркивался крестьянский характер русской армии, высокие морально-политические качества русского солдата. Официальные представители союзников в Русской армии, наоборот, подчеркивали техническую слабость русской армии, недостаточный патриотизм в завершающей стадии участия России в войне.

Многие частные проблемы социальной истории на Русском фронте (социальный состав армии, финансово-экономическое обеспечение военных действий, роль общественных организаций в военных усилиях России и др.) подняты в работах русских авторов-эмигрантов в рамках проекта фонда Карнеги об итогах Первой мировой войны на Восточном фронте. Эмигрантские авторы из «нелиберального» лагеря (А.И. Деникин, А.А. Керсновский, Г.М. Катков) полагали, что только революция не позволила России достойно завершить войну вместе с союзниками. Именно в этой среде историков широко развивались идеи «заговора», «немецких денег», «масонского» влияния на революцию.

Для освещения социальной истории русской армии остается актуальной проблематика, поднятая в работах «отца русской военной социологии» Н.Н. Головина, продолжавшего дореволюционные исследования о русском национальном характере на войне. В своем исследовании о социологии Первой мировой войны Головин приходит к важному выводу о корнях призывной системы со времени милютинской военной реформы, не позволившей создать необходимый запас нижних чинов, а также и офицерских кадров, к началу мировой войны.

В западной литературе интересующие нас проблемы Восточного фронта Первой мировой войны получили подробное освещение только в последние десятилетия XX столетия. Здесь по охвату материала, постановкам вопросов выделяется книга патриарха истории России в годы Первой мировой войны английского историка Н. Стоуна. Автор много страниц уделяет социальным характеристикам армии, офицерству, уточняет, что еще до войны имело место понижение социального уровня армии, указывает на недостатки оборонительной полосы, нехватку материально-технических средств, неспособность Ставки, командования напрячься в сложных обстоятельствах современной войны.

Наиболее полную попытку проследить проблемы социальной истории русской армии в годы войны предпринял американский историк А. Уайлдман. Мобилизовав всю имеющуюся на 70-е годы опубликованную литературу, а также материалы западных архивов, автор развивает традиционную точку зрения об отсталости русской армии, ее человеческого материала, структур, обеспечивавших военные действия. В поле зрения автора вошли взрыв и исчезновение патриотизма, мобилизация солдата-мужика, кризис снаряжения, гибель регулярной армии мирного времени, Великое отступление 1915 г. и травма, нанесенная им армии, моральный кризис, бунт ратников, немецкая пропаганда и восстание на фронте. Постоянным рефреном у автора проходит тезис об обусловленности самой революции реалиями войны.

Положения и наблюдения А. Уайлдмана в значительной мере дополняются и развиваются в работах М. Френкина о русской армии периода Первой мировой войны и революции. В своих исследованиях, выполненных на анализе архивных материалов российских архивов, автор отмечает первостепенную роль в русской революции именно солдатско-крестьянской массы, изначальную пассивность рабочего класса.

Приблизительно с 80-х гг. начинается новый этап историографии на Западе, который характеризуется значительным расширением системы взглядов, методологии и источниковой базы. Основными направлениями, используемыми в этих исследованиях, являются «новая социальная история», историческая антропология, социокультурный подход, гендерные исследования и т.п. Одним из традиционных вопросов является проблема социального состава русской армии в годы войны. Еще И. Башнел поднял вопрос о крестьянском составе армии. Проблема «крестьянского» состава русской армии в историографии превратилась в проблему соответствия традиционного характера русской армии современной войне и стала частью полемики о судьбах русского крестьянства, его роли в модернизации страны. И здесь историки разделились. Часть их настаивает на важности традиционалистского груза, как самого русского крестьянства, так и армии, что и определило ее развал, готовность к революции. Другая часть историков подвергает критике взгляд на «отсталость» русской армии, пытается развенчать этот «миф».

В свете современных подходов пытается решить проблему традиционализма и современности России в Первой мировой войне американский историк Дж. Санборн. Первая мировая война с точки зрения Санборна являлась центральным моментом в модернизации и России, и армии на протяжении почти 50 лет – со времени милютинских военных реформ и вплоть до окончания Гражданской войны. За предвоенные десятилетия и в годы войны институционально была создана связь между «массовой политикой» и «массовым убийством» через механизмы универсальной воинской повинности и более широко – идеологию нации. Частью названного проекта стали исследования формирования маскулинности в годы войны через физическое воспитание до Мировой войны и во время нее, анализ национальных проблем в армии в годы войны, вопрос об участии в военных действиях женщин, отказов от военной службы по религиозным соображениям и т.д. С точки зрения автора, в течение Первой мировой войны и Гражданской войны Россия в целом вышла на высоты мобилизации, стала нацией, т.е. решила проблемы соответствия своих усилий с характером современной, технической, войны. Тем самым автор пытается пересмотреть представления о традиционности русского общества, ее армии.

Для освещения поднятой в нашем исследовании проблемы важны контексты военного опыта, трансформировавшегося в насилие после 1917 г., не только в пространстве Русского фронта, но и целой эпохе «войн и революций», имевшей и пространственное измерение. Так, П. Холквист, развивая подход об особой роли Первой мировой войны в истории советской России, помещает русское насилие в общий контекст целой эпохи, начавшейся с империализмом, широко применявшим колониальные методы завоевания территорий и подчинения населения. Холквист считает, что насилие русской Гражданской войны не вышло само собой из недр русской деревни, оно было импортировано туда с военных фронтов, война пришла в тыл. Тем самым актуализируется изучение военного опыта как условия формирования и реализации социальных чаяний фронтовиков. Такая постановка вопроса горячо поддержана в последних работах В.П. Булдакова.

Также из войны, военного опыта выводит природу русского послереволюционного насилия германский исследователь Д. Шуман. С его точки зрения, послевоенное насилие в России отличалось особенной жестокостью, что

явилось следствием маневренного характера боевых действий на Восточном фронте Первой мировой войны. Таким образом, военный опыт не сам по себе породил «брутализацию» (Brutalisierung) политической культуры в России, а был обусловлен региональными, в том числе пространственными особенностями Русского фронта.

Ряд проблем человеческого измерения войны, вопросы дисциплины, социальной трансформации различных страт русской армии затронуты в работах Я. Пламмера, П. Гетрелла, А. Зумпфа. В них поднимаются вопросы тягот войны: страхи, ранения, болезни, инвалидность, нехватка продовольствия и обмундирования. Большинство этих вопросов решаются, однако, на ограниченном документальном материале и требуют также дальнейшей разработки.

Главной проблемой историографии, как отечественной, так и зарубежной, несмотря на широкий круг вопросов, остается фрагментарность исследований. Не написано ни одной обстоятельной монографии по социальной истории солдатских масс, русской армии в годы войны, освещающей основные сферы жизни этого сложного общественного организма. Требуется дальнейшей разработки вопрос о методологии исследования для разрешения проблемы вхождения в современность России. Слабым местом западной историографии является неглубокая источниковая база, в определенном смысле иллюстративность наблюдений. И, наоборот, в отечественной историографии остается проблема разработки богатого архивного материала в свете заявляемых новейших подходов (см. работу по военной повседневности А.С. Сенявского, Е.С. Сенявской, Л.В. Жуковой). Нынешний этап историографии темы социальной истории русской армии дает возможность вплотную поставить проблему фронтовой повседневности солдатских масс. Решение этой проблемы введет изучение военного опыта на Восточном (Русском) фронте в круг мировой историографии этого периода, что обогатит в целом мировую историографию Великой войны, где роль России выявлена весьма слабо.

Анализ военного опыта широких солдатских масс в ходе фронтовой повседневности требует привлечения адекватной **источниковой базы**. Основными материалами для настоящего исследования явились документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА): фонды Военного

министерства и его управлений (Ф. 1, 29, 366, 369, 499, 506, 546, 801), Главного штаба (Ф. 400), военных округов (Ф. 1343, 1720, 1759, 1837, 1932), Главного управления Генерального штаба (Ф. 2000, 13842, 16196), Штаба Верховного главнокомандующего и его управлений (Ф. 2003–2007, 2009, 2018), штабов фронтов (Ф. 2019, 2020, 2031–2033, 2048–2050, 2067, 2068, 2070), армий (Ф. 2106, 2110, 2113, 2118, 2122, 2126, 2129, 2134, 2139, 2144, 2148, 2152, 2158), Российского общества Красного креста (Ф. 12651), Военно-Судных дел корпусных и армейских судов. (Ф. 16142), коллекции «Первая мировая война» (Ф. 391), а также отдельных корпусов, дивизий, полков и учреждений.

Вопросы социальной истории армии в годы Первой мировой войны представлены в различного рода документах как делопроизводственных, так и личного происхождения, а также в различного рода отчетах, изоматериалах, циркулярах и приказах, статистических материалах. В нормативных документах – Полевом положении об управлении войск, уставах, положениях, инструкциях различного рода управлений, ведомств, служб русской армии представлены не только требования к деятельности армейских органов, господствовавшие до начала войны, но и изменения в них во время войны.

В отчетах министерств, управлений, штабов армейских войсковых единиц различного уровня, комитетов и т.п. представлены сводные документы о количественных показателях обеспечения армии вооружением, военным снаряжением, снарядами, техникой, довольствием, материалы о количественном, и частично о социальном составе армии, сводки потерь с указанием местности призыва, семейного статуса, характера потерь комбатантов. Сводные статистические материалы по различным вопросам жизни армии опубликованы в известных сборниках.

В докладах министерств, управлений и воинских штабов различного уровня представлена обширная, часто обобщающая информация по конкретным вопросам социальной жизни армии: дезертирстве, сдаче в плен, санитарном состоянии войск, условиях жизни на фронте на передовой, в тылу, в запасных частях и т.п. В приказах воинских штабов различного уровня также отложились материалы по различным вопросам социальной жизни армии.

Особенно важны для анализа поднятой темы материалы цензурных управлений, в которых отложились сводки отчетов цензоров по фронтам, отчеты по армиям, корпусам, отдельным почтовым пунктам с приложением выдержек из писем военнослужащих. Всего за время войны цензоры просмотрели свыше 20 млн. из общего количества за время войны отправленных из армии свыше 1700 млн. писем, сделали свыше 400 отчетов по армиям, фронтам и военным округам, оставили 170–200 тыс. сохранившихся в архиве выдержек из писем, что составляет 0,1% всех писем во время войны. Кроме того в архиве сохранились десятки тысяч подлинных писем. В подавляющем большинстве сведения из солдатских писем представляют ненамеренные (т.е. неумышленные, случайно проговоренные) свидетельства, отражающие во всей полноте проявления фронтовой повседневности. Эти сведения поддаются количественной обработке на разных уровнях при фиксации настроений солдатских масс в сводных докладах по фронтам, армиям, корпусам, дивизиям, отдельным частям на протяжении значительного срока войны, особенно с лета 1915 года и до весны 1917 г. Тем самым можно выявить динамику нарастания определенных явлений: изменения настроений солдат от бодрых до негативных, их отношение к офицерскому составу, политические настроения, озабоченность нарастанием дороговизны, отношение к семье, в целом к политической ситуации в стране и многое другое. Таким образом, в наличие есть выборка солдатских писем, которая является высоко репрезентативной по отношению ко всей генеральной совокупности изучаемых объектов (военнослужащих армии), а высокая частота (до 1-4 отчета в неделю), а также географический диапазон данных (от отчетов по фронтам до дивизий) представляет свойства изучаемых явлений в максимально возможном разнообразии. Все это позволяет провести качественное исследование по выбранным аспектам фронтовой повседневности солдатских масс.

Много материалов, характеризующих настроения и поведение солдатских масс, содержится и в делах разведывательных и контрразведывательных органов, часто вынужденных входить рассмотрение социальных проблем на фронте и в тылу: вопросов о дороговизне, дисциплине в частях, взаимоотношении военных с гражданским населением, преступности и т.п.

Значительная информация о социальной жизни армии представлена в делах судопроизводства, следственных и дознавательных инстанций на фронте. Эти материалы содержатся в фондах судов и прокуроров корпусов и армий, а также в фонде Главного военно-судного управления. В РГВИА сохранились материалы редакций фронтовых газет с гранками неопубликованных статей, а также с письмами в редакцию (неопубликованными) в газеты, по которым можно сделать выводы об отношении солдат к фронтовой пропаганде.

В работе были использованы также фонды других архивов. В Государственном архиве Российской Федерации были использованы материалы фонда Отдельного корпуса жандармов (Ф. 110) о задержании солдат-дезертиров внутри России. В Российской государственной библиотеке был использован фонд К.С. Шохор-Троцкого (Ф. 345) со сведениями об антивоенном движении в армии, об отказах от военной службы. В Российском государственном историческом архиве были использованы фонды Синода Русской православной церкви (Ф. 796, 806, 821) со сведениями об организации религиозного обеспечения войны, антивоенном движении в армии. В Государственном музее истории религии были использованы фонды В.Д. Бонч-Бруевича (Ф. 2), К.С. Шохор-Троцкого (Ф. 16), И.М. Трегубова (Ф), М.С. Дудченко (Ф. 7), Е.В. Молоствовой (Ф. 5) с письмами солдат, а также со сведениями об антивоенном движении в армии и отказниках.

Множество материалов по социальной истории воюющего человека и человека на войне содержится в материалах журнальной периодики периода войны, особенно в журналах по медицине, социальным вопросам, а также в журналах общественных организаций на фронте: Земского и Городского союзов. Особенно необходимо обратить внимание на периодику так называемой «общественной медицины», в которой часто поднимались вопросы не только медицинского характера, но и наблюдения, оценки, вскрывающие психологический, социальный характер процессов и событий на войне. Указанные сюжеты по фронтовой повседневности, а также о последствиях войны для военного поколения в медицинском и социальном отношении представлены и в послевоенной периодике.

В работе привлекались и документы фольклора для характеристики и анализа настроений различных слоев населения на войне. Предпочтение здесь отдавалось

неопубликованным материалам (РГАЛИ, РГВИА): песням, частушкам, пословицам, поговоркам, авторы которых были прямыми или косвенными (через родство, знакомство) участниками военных событий.

В работе использовались и свидетельства участников войны, особенно солдат, оставленные в воспоминаниях. Предпочтение отдавалось тем из них, кто не проходил цензурско-редакторской правки. В целом объем, широта, разнообразие материалов по заявленной теме дают возможность провести качественное исследование.

Во второй главе «Мобилизация на Русском фронте» проанализированы организационные, технические и морально-политические предпосылки обеспечения участия русской армии в боевых действиях. Автор пришел к следующим выводам.

Структура армии, соотношение в ней родов войск свидетельствовали об усилении традиционалистского состава армии, ее несоответствии задачам современной, технической войны, в отличие от армий других стран, где такое соответствие, наоборот, нарастало. Социальный состав армии показывает превалирование в ней членов крестьянского и мелкотоварного традиционалистского хозяйства на 84–88%. Важным признаком для анализа менталитета, умонастроений, поведения солдатской массы являлась грамотность солдат, которая определяется преобладанием неграмотных и малограмотных. В возрастном плане армия при начале боевых действий первоначально являлась относительно молодой, после призыва ее состав значительно повзрослел, а к концу войны в связи с прибытием новобранцев вновь помолодел. Наконец, врачи насчитывали в армии значительное количество физически слабых воинов, процент которых повысился именно к окончанию войны.

При анализе социального состава русской армии на Восточном фронте автор пришел к выводу, что во время столь длительного военного конфликта мы имеем дело с разными контингентами русской армии. Один контингент армии (солдаты действующей армии и запасники) сражался в маневренной войне в 1914–1915 гг. Другой контингент армии (запасники, ополченцы) противостоял противнику в упорных позиционных боях, перемежавшихся с наступательными действиями в конце 1915–1916 гг. Наконец, следующий контингент армии, главным образом

ополченцы и новобранцы, в конце 1916 г. испытал тяжелый моральный кризис, переросший в 1917 г. в коллапс армейской машины. У каждого из указанных контингентов армии был свой довоенный социальный опыт, на который и наложился военный опыт, подлежащий изучению.

Автор ставит вопрос, в какой степени комбатант каждой из названных групп отвечал требованиям современной, технической войны? Ближе всего к ним были к ним солдаты действующей армии и запасники, прошедшие военную службу в довоенной армии. Однако и для этой группы существенными являлись остатки традиционализма во внутренней организации, в отношении к офицерскому составу, в организации учебы и хозяйственных работ. Еще в большей степени традиционалистскими чертами отмечен довоенный опыт ополченцев, вообще не проходивших военной службы. Вопрос о социальном опыте запасников и ополченцев, главным образом крестьян, составивших основную часть русской армии в 1915–1917 гг., фактически является частью широкой проблемы: насколько затронула модернизация русское крестьянство? Автор разделяет точку зрения большинства исследователей, что практически по всем параметрам (вхождение в экономическую жизнь страны, формирование рабочей силы, образование, политическое участие и др.) русское крестьянство в слабой степени было затронуто модернизационными процессами, сохраняло обособленность, постоянно воспроизводило традиционалистские формы ментальности и деятельности даже в сферах, которые были призваны его, крестьянство, модернизировать. Привлечение этой группы (ополченцев) к военной службе с осени 1915 г. значительно ухудшило боеспособность состава армии. Социальный опыт последней группы солдат-новобранцев впитал протестные движения молодежи в общине в годы революции 1905–1907 г. и во время столыпинских реформ, а также антивоенные настроения гражданского населения во время войны, и частично опыт правонарушений.

Во время войны в армии кристаллизовались силы, стремившиеся к разрешению социальных противоречий в деревне, особенно в крестьянской семье. Фронтовики-запасники стремились вернуться в деревню, чтобы обрести новые привилегии; молодежь была настроена активно, чтобы утвердить свой семейный статус; ополченцы-льготники вообще не желали войны и стремились назад, домой, чтобы защитить свои, полученные в годы войны, выгодные позиции. Все эти

группы стремились к прекращению войны, чтобы пересмотреть свой статус в деревне, в крестьянском обществе, используя военный опыт защиты своих прав. С точки зрения состава армии постоянно уменьшался контингент, хорошо обученный еще с мирного времени, зато постоянно нарастал контингент, впервые испытавший бремя военной службы и тяготевший к уходу от войны.

Военный опыт русских солдат проходил в особой пространственной среде, в которой комбатанты действовали в соответствии с определенной технологией, ритмом современной, технической войны. Несмотря на значительные усилия в материальной подготовке к войне, Россия серьезно уступала своим противникам в насыщении боевой полосы военным имуществом (тяжелое вооружение, пулеметы, снаряды, самолеты, химическое оружие, транспорт и др.). Из-за недостаточной обеспеченности боевой полосы и тыл фронтов работал в России совсем по-другому. Если на Западе группы армий и фронты имели только оперативное значение, то на русском фронте они выполняли и хозяйственные функции. Оборонительная полоса русской армии представляла временную инфраструктуру военно-хозяйственного значения, действующую в соответствии с технологией и ритмом военных действий индустриальной войны. В боевой полосе русской армии на менее квалифицированный состав пришлось менее эффективное обеспечение современной войны по сравнению с армиями других театров военных действий. В результате происходил сбой ритма деятельности войск, как в ходе атак, так и в повседневной ратной службе. В главе подчеркивается, что конструкция передовой полосы на Русском фронте, ее техническая насыщенность определили и стратегию в решающие 1915–1916 гг., и боевую работу всей русской армии, и феномен развала армии, его формы на разных фронтах. Сочетание боев и одновременно строительных работ особенно в конце 1916 – начале 1917 гг., привели к крайнему напряжению сил комбатанта, обусловившему волну солдатских бунтов накануне Февральской революции.

При анализе мотивации борьбы солдатских масс делается вывод об использовании широкой гаммы доводов и аргументов: от рациональных мотивов (в меньшей части случаев), часто шаблонно повторявших пропагандистские штампы, до доводов, отражавших ситуативные, возрастные, традиционные, естественные для различных групп армии влияния. Большинство таких мотивов

были крайне изменчивы, недолговременны и не могли в целом стать основой для моральной стойкости армии в современной войне.

Для анализа определенной стойкости, готовности к борьбе, а также и трансформации сознания солдат-крестьян на войне необходимо учитывать исходную его точку – крестьянский менталитет. Последний определяется характером крестьянского труда, чувством локализма – то есть ощущением привязанности к конкретному месту рождения, дому и хозяйству. Для характеристики умонастроений солдат-крестьян на войне необходимо учитывать особенности крестьянского труда, который сказывался в их восприятии труда ратного. Необходимым условием такого труда являлся сезонный характер боевых действий, что сказывалось и на настроениях солдат – от «мечтательных» в начале кампании весной до готовности к напряженному труду летом и в начале осени, и до ожидания мира глубокой осенью, в период завершения сельскохозяйственных работ, увенчивающего цикл крестьянского трудового года. Сезонность формировала и общие представления о ритме ратного труда, разбивавшегося на эпизоды усиленной «работы» после продолжительной подготовки, как правило, зимой, и «дел», то есть конкретных боев, стычек и т.п. В области крестьянской ментальности находились и представления о полезности, понятия о месте военной иерархии, отношении к технике, вообще к дисциплине, к различным родам войск, образу врага (что ярко проявилось в феномене братания).

Исследование о роли и влиянии крестьянского менталитета, форм поведения в различные этапы современной войны на Русском фронте позволяет сделать ряд следующих заключений. Крестьянская ментальность явилась основным ресурсом длительного сопротивления широких масс солдат-крестьян в годы войны. Питаясь традициями русской армии, русского солдата, крестьянские формы сознания помогали первоначально в маневренной стадии войны в 1914–1915 гг. В то же время именно крестьянская, традиционная ментальность ставила пределы для стойкости и тем более победы в позиционной стадии войны, все больше походившей на тотальную, индустриальную войну нового типа. Длительное использование этого ресурса претерпело серьезные испытания для солдат-фронтовиков, что станет темой исследования в последующих главах.

В третьей главе «Историко-антропологические аспекты фронтовой повседневности» проанализирован объем повседневных тягот войны, как собственно боевых, так и небоевых, произведена их классификация по мере непосредственных опасностей для жизни – вплоть до негативных последствий для родственников солдат, выявлены приоритетные, наиболее чувствительные для солдат трудности на войне. Важным вопросом является определение пределов «моральной упругости», то есть способности долго переносить страдания от военных действий. Сделана попытка сопоставления восприятия военных трудностей русским комбатантом по сравнению с остальными комбатантами, участниками мировой войны.

Сумма боевых и небоевых тягот на Русском фронте была чрезвычайно разнообразна. Она включала вредное воздействие близости противника, необеспеченность окопов и убежищ, действие неблагоприятного непривычного климата, погодных условий, особенно в зимний период, пешие переходы, многочисленные оборонительные работы, объем которых непрерывно нарастал к 1917 г., учебные занятия, проблемы с продовольствием и вещевым довольствием, злоупотребления на почте, жалобы на госпитальный режим, организацию похорон. Нарастала неприемлемость военных действий в целом, длительности войны, недовольство несопадением военных действий с привычным для крестьян ритмом труда, отсутствием полезности, самого смысла войны и т.п. Представленная динамика нарастания жалоб в этой области показывает явное обострение ситуации к началу 1917 г., что выразилось также в превышении процента негативных писем по сравнению с бодрыми.

В ходе войны дала сбой и система военной иерархии – как подготовленная еще до войны в виде кадрового офицерства, так и формация офицеров военного времени, выпавшая из общей цепи субординации между кадровым офицерством, прямым начальством и солдатами. Первая мировая война резко нарушила всю палитру взаимоотношений солдат и офицеров. Это явилось следствием громадной убыли офицеров кадрового, то есть как раз постоянного, привычного для солдат состава. В частях утрачивалось полковое братство, начиная с «офицеров военного времени», бывших на 80% такими же солдатами-крестьянами. Кризисные явления

в структуре младшего офицерского командования в значительной степени обусловили нарастание антиофицерских настроений среди солдат к 1917 году.

В главе проводится анализ восприятия солдатами русской армии противника, населения на театре военных действий. Русская армия в годы Первой мировой войны столкнулась не просто с «противником», а с чужой территорией, где господствовали определенные военно-хозяйственные, социальные, культурные и иные практики в пространстве фронтовой полосы. Их носителями являлись вооруженные силы противника, а также и население этих мест и производные этих практик – сам ландшафт, в том числе культурно-антропогенный (позиция). Это отражало восприятие индустриальной войны как единое целое фронта и тыла, включая ближний тыл. Совокупность и последовательность восприятия противника, населения, ландшафта на «чужой территории» сыграли важную роль в формировании образа внутреннего врага, наделенного многими характеристиками, почерпнутыми из общения с врагом внешним. Представления о внутреннем враге, ставшем более важным, чем враг внешний, являлись следствием кризиса национальной идентичности.

В главе проводится анализ психопатологического состояния солдатских масс. В специальной литературе психически здоровым считается военнослужащий «нравственно зрелый, умственно развитый, психологически уравновешенный, способный освоить воинскую специальность, адаптироваться к военной службе и преодолеть специфические для нее психофизические нагрузки»³. В армиях индустриально развитых стран, участвовавших в войне (Англии, Франции, США, Германии) комбатанты в значительной степени оставались психически здоровыми во время войны, «вытесняя» психопатологические проявления в своем сознании и изживая их в послевоенный период. Другой опыт имели представители армий стран с недостаточным уровнем развития индустриализации. В России военный опыт привел к глубокой трансформации социальных представлений групп, основанных на традиционных ценностях, прежде всего солдат-крестьян, что обусловило неприятие войны, стремление уйти от нее на психическом уровне.

Широкое развитие у комбатантов угнетенных и антивоенных настроений, подпадающих под описание депрессивных состояний, свидетельствует о кризисе

---

³ Военная психиатрия. Под ред. С.В. Литвинцева, В.К.Шамрея. СПб.: ВМедиа, ЭЛБИ-СПб., 2001. С. 291.

аккультурации, культуральном шоке, имеющем место при столкновении разных культур – в данном случае традиционалистской ментальности и практик военных действий, характерных для индустриальной войны. Синдром депрессии, вызывавшийся, прежде всего, в стрессе дезадаптации, можно расписать как сумму симптомов объективных, то есть внешнего поведения комбатантов, подверженных депрессии, и симптомов субъективных ощущений комбатантов по отношению ко времени и пространству, к собственному телу, включая соматические и мыслительные процессы, и, наконец, как отношение к окружающим. Особенно важно последнее: оно объединяет все ощущения при дистрессе: пространства, времени, технологии, ритма труда, релаксации, иерархии. В главе проводится анализ других психопатологических реакций, включая особенности «шеллшока» на Русском фронте, обусловленность таких реакций в революционном насилии или в послевоенном состоянии комбатантов.

В четвертой главе «Дисциплина и мораль в русской армии» проводится анализ эффективности дисциплинарных и морально-политических практик, применявшихся в русской армии для поддержания ее боевого духа. Многочисленные виды и формы воинских преступлений явились распространением тенденции криминализации еще довоенного общества на время войны. Этому способствовал всеобщий призыв, вобравший в себя все контингенты мужского населения, включая и преступный, и особенное положение армии на театре военных действий, ее решающее значение в экономике и внутренней жизни в пределах фронта по отношению к населению, в том числе в политическом центре России – Петрограде. Значение данной проблемы в свете выяснения причин коллапса армии и всего государственного порядка России в 1917 г. усиливается также самим характером воинского преступления, фактически неотделимого от покушения на общественно-государственный порядок.

В начавшейся войне уже к концу года в армии начались серьезные правонарушения. Их можно разделить на нарушения специальных обязанностей военной службы и нарушения общеуголовные, но связанные с исполнением обязанностей военной службы. Из воинских преступлений наиболее массовым был уход в плен. За время войны количество пленных составил 3638271 чел. (23,66% всего количества призванных в ряды армии). Проблема бегства в плен так и не

была решена до конца войны. Но ее острота с 1916 г. была утрачена, во-первых, в связи с переходом к позиционной войне, сделавшей технически трудным массовые сдачи в плен, а с другой стороны – с возникновением еще одной серьезной проблемы – дезертирства. Только по официальным отчетным данным военных и жандармских учреждений всего было задержано на фронте и в тылу с конца 1914 г. 442605 чел. Это на порядок превышает общее количество дезертиров в германской и британской (35–45 тыс.) армиях. Опыт уклонения сотен тысяч солдат от военной службы в виде дезертирства, естественно, облегчил для них, а также и для их товарищей на фронте, восприятие «антивоенных» идей в 1917 году. Особенно опасной формой дезертирства было бродяжничество, когда десятки тысяч солдат, формально не покидая фронт, фактически уклонялись от участия в военных действий, легализуя этот вид воинского преступления. Дезертиры не только оказывали негативное действие на состав армии, но и являлись серьезным фактором увеличения общей преступности в стране, подготовки революции. Современная война с ее техническими возможностями добавила еще один вид дезертирства, членовредительство. Ему были подвержены в русской армии по расчетам автора 200-400 тыс. тысяч солдат. Одним из серьезных правонарушений на фронте являлись братания, постоянно нараставшие к 1917 г., по сравнению с Западным фронтом мировой войны, где они как раз уменьшались к этому времени, или принимали формы релаксации от тяжелой службы. Дисциплинарные меры на Русском фронте в отношении пресечения братания запаздывали, не учитывали динамику нарастания этого вида воинского правонарушения, его устойчивого характера. Если на Западном фронте уже после Рождества 1914 г. началась борьба с братаниями в рамках так называемой «бюрократизации» агрессии (жесткий контроль над частями, срыв перемирий, смена братающихся частей, обстрелы участков братания артиллерией), то в русской армии неадекватные меры командования позволили братаниям превратиться из способа временного ухода от войны в средство ее прекращения. В результате братания перетекали в отказ идти в наступление, а затем и в требование всеобщего замирения любой ценой, вплоть до сдачи позиций или заключения сепаратного мира в 1917 г.

Из нарушений дисциплины, подрывавших боеспособность армии, нужно отметить случаи пьянства, мошенничества, разврата, количество которых

нарасталю. На грани преступности в армии были такие деяния, как болтливость, неосторожное сообщение в письмах сведений, составлявших военную тайну (до 40% в некоторых корпусах вплоть до 1917 г.). Значительную группу воинских преступлений составляли деяния, затрагивавшие одновременно воинский порядок, боевую дисциплину, и безопасность населения, причем как прифронтовой полосы, так и тыла. Среди них выделались мародерство на фронте, прямые грабежи, разбои, включая по отношению к гражданскому населению («социальный бандитизм») на театре военных действий. Широко практиковалось на фронте мошенничество, спекуляция, продажа казенных вещей, незаконное присвоение формы и т.п. действия, приносившие вред армии, обществу и государству.

Проблема преступности коснулась во время войны и самого состава армии. Этому способствовала особенность мировой войны, требовавшая всеобщего тотального личного призыва. В такой войне становится актуальным привлечение на дело обороны даже таких групп, которые в мирной ситуации являются вредными для общества и изолируются. Во время войны началось привлечение на военную службу некоторых групп заключенных, а также лишенных права на военную службу. Хотя массовое освобождение заключенных пришлось на 1917 г., однако тенденция декриминализации воинских преступлений ясно просматривается до революции, и таким образом явилась частью военного опыта.

На анализе приведенного материала делается вывод, что в годы Первой мировой войны русская армия оказалась перед лицом массы воинских преступлений. Их номенклатура охватывала все проявления борьбы на фронте и одновременно являлась показателем дестабилизирующего влияния воинской преступности на социально-политическую ситуацию в стране в целом. Власти на фронте не способны были противопоставить преступности ни адекватные дисциплинарные меры, ни военно-судебные кары. Особенностью воинских преступлений, кроме их массовости, была также крайне слабая осознанность нарушителями своих деяний при очевидном нарастании криминализации, как самой армии, так и общества, входившего в аномичное состояние. Фактически в течение войны постоянно нарастала безнаказанность по отношению к воинским лицам, совершившим преступление. Преступники, а вместе с ними и массы солдат, получившие специфический опыт ниспровержения норм закона, включая и

эксперименты по «социальному бандитизму», продолжали нести эту практику в гражданский мир.

В условиях упадка дисциплины на Русском фронте эффективный идеологический контроль на Русском фронте в годы Первой мировой войны можно было обеспечить с помощью средств массовой информации, или идеологического воспитания через соответствующую литературу с помощью бесед, а также путем создания специальной организации, которая взяла бы на себя дело морально-идеологической подготовки солдата для современной войны. В главе анализируются аспекты деструкции носителями традиционной культуры информационной политики, проводившейся военным командованием в современной войне. Прежде всего, существовала проблема в главном концепте пропаганды – в донесении до населения идей, во имя которых Россия участвовала в войне. Попытки собственными силами (до Февральской революции) или с использованием гражданской печати (при соответствующем контроле) решить проблему пропаганды на фронте можно в целом оценить как неудачные. Газетная печать, брошюры, и листовки, личные беседы не в состоянии были преодолеть сопротивление более стойким каналам традиционалистского коммуникативного пространства: личному общению, слухам, верованиям, мифам. Важнейшим тормозом для проведения информационной политики военного руководства являлись социальные чаяния солдатских масс, противоположные военным задачам.

Не сработали и применявшиеся в годы войны механизмы религиозно-идеологического контроля над солдатскими массами. Идеологическую задачу мобилизации общества власти были вынуждены решать с помощью немногих инструментов, главнейшим из которых являлось военное духовенство. Проблема состояла в том, чтобы сделать этот инструмент эффективным в первой для России массовой войне. Как институт военное духовенство имело ряд недостатков: ощущалась постоянная нехватка священников непосредственно в войсках, качество военных священников как пропагандистов было невысоким. Главной проблемой проповеди на фронте были, однако, не успехи или недостатки пропаганды военного духовенства, а нехватка религиозного чувства у солдат. Ритм и темп современной войны не оставляли места сохранению набожности, уступая место циничным взглядам. Церкви не удалось приспособить свою христианскую

доктрину для военной агитации, сделать из солдат «христовых воинов», военное духовенство не смогло долгое время поддерживать высокий морально-боевой дух войск, успешно бороться с массовым дезертирством и антивоенными, революционными настроениями среди солдат. В работе анализируется антимилитаристская деятельность отказников, явившихся референтной группой, отражавшей широкое распространение антивоенных взглядов солдатских масс, у которых на первое место выходили социально-политические требования, чему мобилизация для войны мешала.

В пятой главе «Становление гражданских позиций в солдатских массах» выявлены факторы, определившие поворот в настроении солдат от участия в боевых действиях сначала к пассивному, а затем и активному антивоенному и политическому протесту. Такими факторами в условиях затянувшейся войны были дороговизна, положение в деревне, в доме и семье. В главе прослеживаются различные категории солдатской массы, низшего командного состава, недовольных дороговизной внутри страны и на фронте, показано единство их неприятия экономической политики власти. Для солдат-крестьян тревога за близких и хозяйство стали неотделимы от вопросов экономики и политики внутри страны, что отражало втягивание крестьянского хозяйства в общенациональную экономику. Именно таким образом – через интересы своего хозяйства, проблемы дороговизны – солдаты быстро приобщались к политике. В связи с этим сильно возрос интерес к деятельности законодательных учреждений – Государственной думы и Государственного совета, и особенно к их левым представителям.

Солдаты-крестьяне связывали тяжелое экономическое положение с несправедливостью во внутриобщинных отношениях, что вызывало их возмущение и стремление к перестройке всего уклада деревенской жизни. Важным фактором в этом укладе являлись интимные отношения в рамках малой семьи. При этом необходимо учитывать, что женатый солдат на войне являлся частью крестьянской семьи, на данный период разорванной, а холостой – членом будущей, потенциальной семьи. Первая мировая война оказала большое влияние на условия протекания семейно-сексуальных отношений в крестьянской среде, и до войны испытывавших период трансформации. Длительность военных действий поставила члена крестьянской семьи в ситуацию пересмотра своего семейного положения.

Сексуальный опыт, полученный российским комбатантом на Первой мировой, породил новые ожидания солдат в интимной сфере, в формировании новой семьи. Их сущность – четкое отграничение индивидуально-семейного хозяйства от экономики «большой крестьянской семьи», обретение личностного, интимного мира в рамках «малой семьи». Это можно было сделать только на путях социального реформаторства всей традиционалистской системы в деревне.

Рождению солдата-гражданина, его социально-психологической детерминации способствовал поиск внутренних «врагов», круг которых был крайне велик. В главе выявляются до двух десятков категорий враждебных для солдат-крестьян групп населения: от политических сил до личных «врагов» дома и даже в семье. Критерием враждебности к солдатам-крестьянам была, прежде всего, социально-экономическая выгода от продолжавшихся военных действий. В целом для солдат-окопников вся масса «врагов» представлялась как пособники внешнему врагу и при этом даже более опасные, что способствовало восприятию в сущности антивоенной и антиобщественной позиции солдатских масс в их собственных глазах как оправданных с точки зрения общественной морали. Поиск «врагов» привел к резкой политизации солдатских масс на фронте. Ненависть к «врагам» включала стремление «разобраться» с ними. Внутренний враг стал, таким образом, важнейшим фактором, угрожающим тем ценностям, которые необходимо добыть и защитить.

Трансформация социально-политических настроений в определенные установки привели к моральному кризису в русской армии, в котором выделяются такие проявления: крайняя усталость до безразличия; готовность к бунтам в армии; отказы воевать; выдвижение политических требований. В главе прослеживается динамика антивоенных настроений, от пожелания мира после победы до мира «во что бы то ни стало». Апогей таких настроений пришелся на последние месяцы 1916 г. и начало 1917 г.

В главе проведен обзор практических всех солдатских волнений в русской армии, анализируются особенности протекания солдатского бунтарства в ходе войны. Подробно анализируются волнения в Одоевском полку, отразившие основные причины недовольства войной в восприятии солдатской массы и способы выхода из нее. Это касалось особенностей боевой жизни в позиционной войне,

громадных потерь в личном составе в почти ежедневных боях, необеспеченности солдат довольствием, кризиса армейской иерархии, резкого уменьшения солдатских групп, готовых и дальше выносить военные тяготы, и увеличение групп, занимавших самую радикальную, антивоенную позицию. На примере Одоевского полка можно констатировать разложение, явную неработоспособность существовавшей строевой, дисциплинарной структуры, уступившей место разделению солдат на группы «кадровиков», запасных и молодых составов, при нейтрализации первых, пассивности (или скрытой поддержке) вторых и активности третьих. Во время волнений оказался совершенно не действенным, утратившим какое-либо влияние на солдатскую массу офицерский состав. В главе анализируется тактика радикальных солдатских групп по отношению ко всем остальным подразделениям полка, похожая на тактику «снятия» бастующими рабочих других предприятий. В целом солдатские волнения отличала высокая степень организации, сплоченность, коллективизм. По лозунгам, по тактике, по влиянию на ситуацию на всем Русском фронте солдатские волнения являлись фактором, объясняющим опасения командования распространения волнений по всему фронту и по существу приближавшим революцию. Размах солдатских волнений являлся действенным фактором усиления революционного движения внутри самой России.

В заключении диссертации сформулированы выводы по ключевым проблемам исследования. Военный опыт солдатских масс, полученный в рамках фронтовой повседневности в Первой мировой войне, оказал многомерное воздействие на трансформацию ментальности солдатской массы, основного контингента русской армии – солдат-крестьян. Важнейшим условием такого влияния было несоответствие социально-экономического уклада России, самого состава русской армии новому характеру современной, технической войны. Довоенная армия России, хотя испытывавшая значительные перемены после введения всеобщей воинской повинности, все еще оставалась в значительной степени под влиянием груза традиционализма. Во время войны традиционалистский состав армии еще более усилился в процессе вхождения в войну по мере углубления конфликта новых контингентов военнослужащих, менее всего испытывавших опыт модернизации: ополченцев второй очереди, не имевших опыта пребывания в

действующей армии мирного времени, и новобранцев. Группы же, в наибольшей степени воспринявшие опыт модернизации (кадровая армия, довоенное офицерство), постоянно уменьшались, а группы с незначительным опытом модернизации – к 1917 г. все более преобладали. Последние группы отличал и специфический социальный опыт. Ополченцы являлись представителями наиболее патриархальных слоев крестьянства, видевших в развитии своего семейного хозяйства главный смысл жизни, неохотно участвовали в военных действиях. Молодые новобранцы впитали в себя опыт протестных настроений, полученных в послереволюционные годы, а также антивоенных настроений, полученных в гражданской жизни во время самой войны. Таким образом, прошлый социальный опыт армии в целом не способствовал включению солдатской массы в необходимый ритм современной технической войны.

Главным содержанием военного опыта, полученного солдатскими массами, явились боевые и военно-хозяйственные практики в ходе строительства оборонительной полосы, ее обеспечения и собственно военных действий (ратного труда). Опыт строительства и эксплуатации масштабной урбанизированной в своей основе военно-хозяйственной полосы (фронта) стал крупным достижением России. По сравнению с передовыми позициями других стран участниц войны, оборонительная линия на Русском фронте несла одновременно и оперативную, и военно-хозяйственную функцию. В то же время в силу материально-технической отсталости России оборонительная полоса русской армии была менее обеспечена вооружениями, боезапасами и техническими средствами, в целом не отвечала уровню индустриальной войны, задававшемуся противником. В результате на фронте русской армии на менее квалифицированный состав пришлось более трудная организация современной, технической войны, по сравнению с армиями других театров военных действий. Постоянно задаваемые особенности строительства, эксплуатации, трудовых практик, сырьевого обеспечения ратного труда потребовали громадного напряжения русской армии: солдат, офицеров, администраторов, обслуживавших эту оборонительную полосу. Тяготы современной войны было трудно выдержать при наличии имевшихся ресурсов, данного человеческого контингента, традиций ратного труда, привычных форм трудовой дисциплины, характерных для основной части армии – солдат-крестьян.

Фронт представлял собой особую военно-хозяйственную среду временного характера, оказавшую громадное влияние как на стратегию и тактику военных действий, так и на формирование новых устремлений человека, сформированного во время войны. Военный опыт, таким образом, с точки зрения новой локальной истории, предстал как опыт форсированного вхождения крупных социальных групп (прежде всего крестьян-фронтовиков) с традиционалистским опытом в зону действия индустриальной войны. Тяготы военного противостояния привели к глубокой трансформации социальных представлений основной группы армии – солдат-крестьян, мещан, ремесленников, носителей в значительной степени традиционных ценностей. В ходе войны обнаружилось несоответствие большинства этих представлений реалиям войны. Это касалось даже таких проверенных столетиями, привычных для ментальности русской армии качеств, как выносливость, полковое братство, готовность к ритму военных действий в рамках сезонного распорядка труда и отдыха. Были поставлены под вопрос такие традиционные ценности солдат-крестьян, как полезность, временная и пространственная упорядоченность жизненного цикла, привычные представления о противнике, вера в устоявшуюся воинскую иерархию, морально-религиозные устои. Практически все ценности традиционалистской, крестьянской в своей основе ментальности, сначала войны питавшие стойкость солдатских масс, были подвержены эрозии, или прямо утратили свою актуальность в ходе войны нового типа.

В результате в ходе войны имело место широкое развитие у комбатантов угнетенных и антивоенных настроений, подпадающих под описание депрессивных состояний. Это свидетельствовало о культуральном шоке вследствие столкновения разных культур – в данном случае традиционалистской ментальности и практик военных действий, вызванных технической войной. Еще менее прочным для противостояния в современной войне оказался ресурс пропаганды, военно-религиозного обеспечения военных действий, что проявилось в феномене широко распространенных в армии антивоенных настроений, представленных в успешной деятельности такой референтной группы, как пацифисты-отказники. Дала серьезный сбой и система военной иерархии – как подготовленная еще до войны в виде кадрового офицерства, так и формация офицеров военного времени,

выпавшая из общей цепи субординации между кадровым офицерством, прямым начальством и солдатами. Полковое братство, являвшееся одной из основ боеспособности русской армии, утрачивалось перед лицом быстро изменявшегося состава солдат и офицеров.

Крупным изъяном, не позволившим пресечь негативные процессы в армии, являлись дисциплинарные практики, не соответствующие ситуации большой войны. Русская армия испытала взрыв преступности. Впитав в себя миллионные массы мужского населения страны, подверженного криминальным тенденциям еще до войны, русская армия представляла в годы войны всю гамму криминализации – в виде дезертирства, ухода в плен, мародерства, пьянства, хулиганства, половых преступлений и т.п. Армия являлась важнейшим виктимизирующим фактором общества накануне «красной смуты». Страдавшая от недостатка исполнительской дисциплины, начиная от начальников и кончая солдатами, армия не была в достаточной степени обеспечена правовыми реформами в годы войны, надлежавшей системой судопроизводства. Начальствующий состав не сумел обеспечить выполнение даже имевшихся законов.

Несмотря на указанные негативные аспекты военного опыта в русской армии, вообще на Русском фронте в годы войны, этот же опыт привел к формированию установок солдата, позволивших ему совместить выход из войны с началом процесса борьбы за социальные преобразования. В работе подчеркивается связь фронта и тыла на почве защиты гражданского населения от социальных невзгод периода войны. Втягивание крестьянского хозяйства в экономику мировой войны позволило выйти из пределов чисто крестьянской ментальности, определить курс солдата-крестьянина на включение его в развивающиеся социально-политические процессы. Длительное общение с населением, взаимодействие с контингентами союзнических и враждебных чужих армий на театре военных действий позволили выйти из привычных локалистских представлений, поставили вопрос о национальной идентичности, актуализировали задачу ускоренного развития страны, возможности более эффективно распоряжаться своей судьбой.

Большое значение в смене установок солдата-гражданина сыграл моральный кризис армии, постоянно нараставший с самого начала военных действий и обострившийся в конце каждого военного года. В конце в 1916 г. амплитуда

морального кризиса оказалась наиболее высокой, совпав с социально-экономическим кризисом в стране. Это произвело резонансный эффект на кризисное состояние армии и общества к началу 1917 г. Этот кризис не мог быть урегулирован идеологическими, административными, дисциплинарными мерами. А с другой стороны – его исход виделся как естественный в общей смене социально-политического порядка, в отличие от других воевавших стран, также испытывавших кризисное состояние.

Важное значение для дальнейшей судьбы, направленности действий солдата-гражданина имели обстоятельства, формы, методы солдатского «бунта». Сами бунты были порождены не просто угнетенным настроением в армии, а совпали с активизацией социальных протестов внутри страны, и в этом смысле ими были подготовлены. Солдатские волнения были также следствием и резкого ухудшения состава армии – полного доминирования солдат-ополченцев и новобранцев и утраты контроля над рядом частей со стороны кадровых солдат, унтер-офицеров и офицеров. Сыграло большую роль и окопное товарищество, которое в условиях Русского фронта объединило солдат в борьбе не с внешним, как это было в других воевавших странах, а с внутренним врагом. Наконец, солдатский бунт был вполне осмысленным, хорошо организованным, питался опытом протестных выступлений среди рабочих, других слоев гражданского населения, а главное – проходил, в сущности, в одних и тех же формах по всему фронту, что и сделало эту сторону морального кризиса крайне опасной для военного руководства.

Полученный военный опыт сыграл значительную роль для подготовки революции 1917 г. – как в ходе создания социально-политических проектов, так и в формировании системы символов и отношения к различным формам бытия – от праздников до похорон. Важнейшим результатом обретения военного опыта в годы Первой мировой войны явилось рождение солдата-гражданина. Солдат-гражданин получил представление о своем месте в системе социально-политических отношений, обрел противников в виде многочисленных врагов, что было представлено в зародившемся еще до 1917 г. понятии «буржуй», и тем самым разорвал общий круг традиционных отношений, связывавших его с конкретным местом, встал перед проблемой решения общенациональных задач. Тем самым в лице основной социальной силы общества – солдат-фронтовиков – на

окончательном этапе войны был запущен механизм глубоких социальных перемен, направленных на трансформацию всей системы традиционных отношений, включая общину, патриархальную семью, архаическую политическую систему, идеологию, само мировоззрение.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Монографии:

Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: «Новый хронограф», 2014. 730 с. 46,25 п.л.

Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М.: «Спецкнига», 2012. 400 с. 22 п.л.

(В соавторстве с Симмонсом П.А.): Письма с войны 1914-1917. М.: Новый хронограф, 2015. 800 с. 51 п.л.

Публикации в ведущих периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–86.

2. Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Российская история. 2011. № 4. С. 44–52.

3. Братания на Русском фронте Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2011. № 28 (2). С. 29–41.

4. Политика власти в отношении отказничества от военной службы по религиозным соображениям накануне и во время первой мировой войны // Вестник РУДН. Серия: История России. 2011. № 3. С. 49–61. 0,8 п.л.

5. Боевая позиция как фактор социальной истории Русского фронта Первой мировой войны // Вестник РГГУ. 2012. № 4. С. 63–75. 1 п.л.

6. Преступление и право в русской армии (1914 – февраль 1917 года) // Вестник Тверского государственного университета. 2012. № 18. Серия: «История». Выпуск 3. С. 52–78. 1,5 п.л.

7. Членовредительство и симуляция болезней в русской армии во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2012. № 34(4). С. 6–18. 1 п.л.
8. Нарушение законов и обычаев войны на русском фронте Первой мировой (по материалам российской Чрезвычайной следственной комиссии) // Новая и новейшая история. 2014. № 2. С. 35-46. 1 п.л.
9. Россия XXI. Воинские преступления как фактор криминализации России в Первой мировой войне // Россия XXI. 2016. № 5. С. 62-81. 1 п.л.
10. Петроградский гарнизон накануне 1917 года: от повседневности прифронтового города к революции // Вестник Тверского государственного университета. 2017. № 1. Серия: «История». С. 17-38. 1 п.л.
11. Повседневность запасных батальонов гвардии накануне Февральской революции // Вестник РГГУ. История. Филология. Культурология. Востоковедение». № 5. 2017 г. С. 71-91. 1 п.л.
12. Русская армия и реквизиции в 1915 году: борьба за ресурсы // Военно-исторический журнал. 2017. № 10. С. 47-55. 1 п.л.
13. Дезертиры в 1917 году // Вестник РГГУ 2017. № 3 (9). Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». С. 18-29. 0,8 п.л.
14. Военные суды в Петроградском гарнизоне накануне Февральской революции // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 6. С. 5-15. 1 п.л.
15. Переселенческая политика военных властей России во время «великого отступления» 1915 г. // Россия и современный мир. 2017. № 6. С. 63-78.
16. Русская армия и население в Первой мировой войне: фронтовая повседневность и событийность // Вестник РГГУ. 2018. № 6 (39). Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». С. 84–105.

Документальные публикации:

- «Сдавайтесь скорее»: Русская пропаганда на германском фронте в Первую мировую войну // Источник. 1999. № 5. С. 54–60. 0,5 п.л.

Статьи:

1. Водка, война, революция... (Борьба с алкоголизмом в городах России в 1914-1917 годах) // Трезвость и культура. 1993. № 6. С. 3–6. 0,7 п.л.
2. Политическая пропаганда на нейтральные страны в годы Первой мировой войны: организация, средства, методы // Европейские сравнительно-исторические исследования. Европейское измерение политической истории. М., 2002. С. 101–123. 1 п.л.
3. Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 268–281. 1,5 п.л.
4. Русские солдаты и Первая мировая война. Психоисторическое исследование военного опыта // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М., 2004. С. 399–425. 1,5 п.л.
5. Массовая культура на фронте в годы Первой мировой войны // Массовая культура и массовое сознание: История и современность. Сборник статей. М., 2004. С. 53–74. 1,5 п.л.
6. Великая Отечественная война как война современного общества (сравнительный анализ) // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: опыт изучения и преподавания. Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. 17 мая 2005 г. М., 2005. С. 121–142. 1,5 п.л.
7. Сексуальный опыт русского солдата на Первой мировой и его последствия для войны и мира // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. актуальные проблемы изучения. М.: Российская Энциклопедия, (РОССПЭН), 2007. С. 367–382. 1 п.л.
8. Дети идут на войну: из истории «детского вопроса» в России в годы Первой мировой войны // Какорея. Из истории детства в России и других странах: Сб. статей и материалов. Сост. Г.В. Макаревич. М.-Тверь: Научная книга, 2008. (Труды семинара РГГУ «Культура детства: нормы, ценности, практики». выпуск 1.) С. 101–113. 1 п.л.

9. Учреждения по борьбе с дезертирством в годы Первой мировой войны // Государственные учреждения России XX–XXI в.: традиции и новации: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти проф. Н.П. Ерошкина. Москва, 30 января 2008 г. М.: РГГУ, 2008. С. 130–138. 0,5 п.л.

10. Русская пропаганда среди славянских народов в Первую мировую войну // К 80-летию Роальда Федоровича Матвеева: Сб. научн. Статей. М.: РГГУ, 2008. С. 33–41. 0,8 п.л.

11. Историческая травма в социально-политических проектах // Будущее нашего прошлого: Материалы Всероссийской научной конференции, 15–16 июня 2011 г./ редкол.: А.П. Логунов (отв. Редактор) и др.; Рос. гос. гуманит. ун-т, Факт истории, политологии и права. Кафедра истории и теории исторической науки. М.: РГГУ, 2011. С. 44–55. 0,8 п.л.

12. Военное детство Первой мировой войны как фактор социальной истории России первой трети XX в. // Труды Историко-архивного института. Т. 38. М.: РГГУ, 2011. С. 30–61. 2 п.л.

13. Братания на русском фронте Первой мировой войны: между пацифизмом и мировой революцией // Первая мировая война, Версальская система и современность. Сборник статей. СПб.: СПбУ, 2012. С. 40–47. 0,8 п.л.

14. «Маленькие» и «большие» люди в условиях позиционной войны на «Русском фронте» 1914–1917 гг. // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории. Материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 16–17 мая 2013. Г. М.: Экономинформ, 2013. С. 36–41. 0,8 п.л.

15. «Зверства» войск антирусской коалиции в 1914–1918 гг.: военный опыт и пропаганда // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей. СПб.: СПбУ, 2014. С. 65–73. 0,8 п.л.

16. (В соавторстве с В.П. Булдаковым): Массовые движения в 1914–1916 гг. // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М.: РОССПЭН, 2014. С. 715–756. 3 п.л.

17. (В соавторстве с В.П.Булдаковым): Солдатская масса: от войны к миру // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис М.: РОССПЭН, 2014. С. 834–842. 0,8 п.л.

18. (В соавторстве с В.П. Булдаковым): Война в столице империи // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис М.: РОССПЭН, 2014. С. 748–756. 0,8 п.л.

19. Русский фронт 1914–1917 гг.: военные письма // Исторический вестникъ. История – свидетельница времен. М., 2014. Т. 9 (156). С. 148–167. 1 п.л.

20. (В соавторстве с Симмонсом П.А.) Военная цензура и настроения солдат русской армии накануне Февральской революции // Русский сборник: Исследования по истории России. № XVIII. М., 2015. С. 423-442. 1 п.л.

21. Моральный дух и настроения русской армии в Первой мировой войне // От противостояния идеологий к служению идеалам: российское общество в 1914-1945 гг.: сборник статей. М.: «Новый хронограф», 2016. С. 33-46. 1 п.л.

22. Русская армия и население: реквизиции в 1915 г. и социальные последствия // Первая мировая война: взгляд спустя столетие, 1915 год: доклады и выступления участников V Международной научно-практической конференции. М.: Изд-во МНЭПУ, 2016. С. 298-309. 0,8 п.л.

23. Прифронтовой город в 1914-1917 гг.: особенности управления и повседневной жизни // Имена московской науки: материалы международной научно-практической конференции (29 сентября 1917 г. / сост. А.А. Александров, Е.Ю. Колетвинова, А.С. Сухова; Моск. Гор. Ун-т упр. Правительства Москвы. М.: МГУУ Правительства Москвы, 2018. С.171-176.